

Парадигмы юридической несправедливости

С. А. Маркова-Мурашова

Адвокатская палата Краснодарская края,
г. Краснодар, Российская Федерация

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить некоторые современные парадигмы юридической несправедливости. Сначала необходимо начать с понятия правовой несправедливости прежде чем попытаться определить правовую справедливость. Последующие критические замечания и анализ основываются на предположении о том, что философия права должна быть способна признавать эти случаи в качестве явных примеров несправедливости, а категории естественного права должны служить теоретической и практической основой для их эффективного рассмотрения и предотвращения.

Приводимые случаи относятся к различным правовым системам, поскольку речь идет о категориях юриспруденции, которые существуют вне зависимости от национальности правовой системы.

Проведенный анализ показал, что юридическая несправедливость может возникнуть при соотношении конкретных отношений с существующими в праве юридическими нормами. Суды и в целом граждане, имеющие профессию юриста, применяющие нормы права к жизни, должны работать рука об руку с законодателем для сокращения и предотвращения случаев правовой несправедливости.

Ключевые слова: правовая несправедливость, соотношение справедливости и несправедливости, практичность и моральность права, правовой формализм и эгалитаризм.

Для цитирования: Маркова-Мурашова С. А. Парадигмы юридической несправедливости // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 4 (74). – С. 72–91. DOI: 10.35231/18136230_2023_4_72. EDN: XNYIZM

Paradigms of Legal Injustice

Svetlana A. Markova-Murashova

Bar Association of Krasnodar Region,
Krasnodar, Russian Federation

The purpose of this article is to present some contemporary paradigms of legal injustice. Imagining these injustices forms the first critical step of the study. It is necessary to first begin with the concept of legal injustice before attempting to define legal justice.

The following notes and analysis are based on the assumption that legal philosophy should be able to recognize these cases as clear examples of injustice, and the categories of natural law should provide a theoretical and practical basis for their effective treatment and prevention.

The cases cited relate to different legal systems, since the topic concerns categories of jurisprudence that exist regardless of the nationality of the legal system.

The analysis showed that legal injustice can arise when specific relations are correlated with existing legal norms. Judges, and citizens in the legal profession in general who apply the law to life, must work hand in hand with the legislator to reduce and prevent cases of legal injustice.

Key words: legal injustice, the relationship between justice and injustice, practicality and morality of law, legal formalism and egalitarianism.

For citation: Markova-Murashova, S. A. (2023) Paradigmy yuridicheskoy nespravedlivosti [Paradigms of Legal Injustice]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (74). Pp. 72–91. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_4_72. EDN: XNYIZM

Введение

В философско-правовых работах духовно-ценностным нарративом выступает идея справедливости, которая, преломляясь к праву, формулирует обобщение о том, что несправедливые законы правом не являются, также как и не считаются правосудием несправедливые судебные решения и приговоры [9, с. 9].

Понятие и сущность справедливости рассматривались в многочисленных трудах исследователей, поскольку во все времена истина апеллирует к справедливости. Ее ищут в повседневной жизни, в высоких залах суда и в правовой системе. В философских трактатах затронуты и вопросы несправедливости, но не в столь значительном объеме. Но ведь, что такое свет не понять, не зная, что представляет собой тьма. Так и со справедливостью в современном праве. Оценить ее значимость для социума и государства возможно, задумавшись и осознав, что же есть правовая несправедливость.

Разобраться в вопросах соотношения справедливости и несправедливости в контексте правовых систем современности весьма актуально сегодня, когда наша страна ведет сражение за фундаментальные экзистенциальные ценности, в числе которых и право как элемент культуры, основанный на истории и менталитете народа. В русской правовой традиции такие метаюридические категории как, добро, вера, соборность, справедливость, порядок, любовь, надежда и т. п., выступают не только в роли аксиологических оснований правосознания, с помощью которых осуществляется экспликация назначения права в обществе, его соотнесение с конкретными инстанциями вынесения высших и последних оценок. Они являются одновременно и онтологическими основаниями, составляя основу национального мировоззрения и идентичности русского человека.

Тяга к справедливости всегда была свойственна русской правовой ментальности. В православном понимании справедливость – прежде всего совершенное следование Божиим заповедям [8, с. 84]. Творящим добро воздай почет, а творящих зло – наказывай. «Не оправдывай виноватого, даже если и друг он тебе, и не обидь не виноватого, если и враг он тебе» [3, с. 40–41].

Все ключевые правовые идеи и ценности, такие как справедливость, равенство, достоинство личности¹ по своей природе являются духовно-нравственными формами освоения и организации правовой реальности общества. Справедливость как ключевая правовая ценность и социально-правовой ориентир развития Российского государства обозначается в преамбуле Конституции РФ.

Вместе с тем позиция многих современников выражается в том, что право должно быть практичным, отвечать повседневным задачам, и пускаться в бесплодные, философские, эмоциональные рассуждения о его сущности, справедливости и т. п. бессмысленно и непрактично. Тогда зачем судьи облачаются в мантии, сидят на возвышении, и почему при их появлении все встают и обращаются к ним «Ваша честь»? Это же непрактично, отнимает время в нашей загруженной и быстротечной жизни. Почему сам порядок осуществления правосудия, порядок принятия закона как формы права построены прежде всего на ритуальных, торжественных инсценировках, воздействующих на эмоциональную сферу человеческого восприятия? Ответ очевиден – для того, чтобы торжественностью момента внушить эмоциональную веру в право как в высший смысл жизни и порядка, чтобы все прониклись общим для всех чувством права, справедливости, беспристрастности. Но тогда право должно

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М., 2020 // СПС КонсультантПлюс.

быть и справедливым, и равным для всех и беспристрастным, иначе зачем все эти торжественные формальности, что хотят ими подчеркнуть, если не сущность права как человеческое чувство справедливости.

Идея справедливости, пронизывая все сферы жизни общества, формирует менталитет, нормы морали, и как следствие нормы права. При этом справедливость воспринимается гражданами на интуитивном уровне. Они зачастую не могут отчетливо аргументировать свое понимание справедливости либо несправедливости нормы, акта власти, экономического решения, но вместе с тем чувствуют справедливость, пропуская конкретные обстоятельства через ментально сложившееся представление о ней. В этом своеобразно сконцентрирован опыт человечества, заключена мудрость веков¹.

В настоящее время фиксируется возвращение нравственно-этической проблематики в правовую регламентацию общественных отношений, определяющих духовно-нравственные стандарты публично-властной активности, развития правовой системы и совершенствования юридической деятельности. Так, судья Конституционного суда в отставке Т. Г. Морщакова, в свою очередь солидаризируясь с мнением профессора М. Шаргородского, который еще в 1969 г. на конференции в Ленинграде сказал: «юридическая наука начинается там, где она говорит законодателю «нет», полагает, что «если нормы законодательства входят в противоречие с общими принципами права, право должно ставиться выше ... Вот идея конституционного правосудия на все времена. /.../ Конституционный Суд обязан... подняться над законодательством, пусть это даже сама Конституция, и судить с позиции высшего права» [4]. С такой

¹ Деревесников А. В. Справедливость как принцип права (историко-теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2005. С. 23–24.

позицией солидарен и Конституционный суд ФРГ, который в одном из своих решений указал: «Право не тождественно совокупности писаных законов. В противовес положительным установлениям государственной власти и помимо них могут существовать права, способные корректировать писанные законы; его источником служит весь конституционный порядок как смысловое целое; задача правосудия отыскать это право и фиксировать в законах»¹. Таким образом, господствующая в Германии доктрина «ставит над позитивным правом фундаментальные принципы справедливости (justice)» [12, р. 599]. Жаль, что только в доктрине.

Реалии современной правовой действительности характеризуются наличием «дефицита» справедливости в мире². Право понимается членами общества в качестве социальной ценности, соотносимой с состоянием справедливости³. Вместе с тем в обществе доминирует и тревожность граждан духовно-нравственным климатом в государстве, что объясняется не столько экономическими проблемами, сколько ощущением отчужденности власти от общества, несправедливостью и своекорыстием судебной системы, отсутствием моральных опор.

По мнению некоторых экспертов, несправедливость представляет собой очень субъективное чувство, труднопомещаемое в юридические дефиниции, и поэтому данное чувство оставляют «в качестве камертона судьбе, в душе которого оно и играет роль тех весов, которые представлены в символике правосудия»⁴.

¹ Цит. по: Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права: учебник для юридических высших учебных заведений. СПб.: Знание, ИВЭСЭП, 2006. С. 136.

² Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2006. 28 с.

³ Гринь А. В. Соотношение естественного права и правовых законов в условиях развития гражданского общества (теоретические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. С. 117.

⁴ Крупкин П. В сводах законов нет места понятию справедливости // Информационное агентство REX [Электронный ресурс]. URL: https://iarex.ru/articles/23747.html?utm_source=article (дата обращения: 19.11.2023).

С учетом изложенного, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы представить некоторые современные парадигмы юридической несправедливости.

Соотношения справедливости и несправедливости в контексте правовых систем современности

Единой формулы для классификации парадигматических примеров юридической несправедливости не существует, но, с определенной долей условности их можно разместить в одну из трех широких классификаций. Итак, представляется, что юридическая несправедливость возникает в случаях, когда: а) должностные лица игнорируют закон или манипулируют им; б) граждане игнорируют закон; в) самостоятельно несправедливым является и беспристрастное соблюдение правовых процедур.

Думается, что большая часть правоведов, придерживающихся традиционных позитивных взглядов, или отклонила бы такое широкое понятие юридической несправедливости, или ограничилась юридической несправедливостью первого типа, включающего отказ чиновников беспристрастно выполнить предписанные юридические процедуры. Одна из задач исследования – показать конкретно, что третий тип достаточно обширен. Распространенность примеров данного типа создает основу для постановки вопросов о соответствии обоснования легитимности так называемых демократических правовых систем их внутренней согласованности.

Соответственно, большинство из приводимых далее конкретных случаев несправедливости попадают в третью категорию. Они, в свою очередь, могут быть разбиты на следующие три подгруппы: формализм и беспристрастность; эгалитаризм; правовая элитарность, которая предоставляет привилегированный статус некоторым типам юристов и чиновников.

Формализм и эгалитаризм, в принципе, справедливы по сути, но зачастую могут приводить к несправедливости. Независимо от возможной критики предложенной системы классификации, формализм, эгалитаризм и юридический элитизм частично присутствуют в корне каждого примера, что можно назвать «интуитивным тестом» несправедливости (например, использование закона для несправедливого ущемления интересов человека). Естественно, не предполагается, что закон применяют исключительно для того, чтобы причинить вред человеку несправедливо. Просто в некоторых случаях справедливое применение закона достигается с помощью беспристрастных формальных или эгалитарных средств, что в конечном счете приводит к несправедливости по существу. Однако справедливый результат в таких обстоятельствах во многом случаен из-за потенциала формализма для достижения противоположного и несправедливого результата. Соответственно, этот «интуитивный тест» является дополнительным условием, которое необходимо выполнить, прежде чем включать пример в текст.

Опасность прийти к несправедливости, соблюдая формальности, беспристрастность, эгалитаризм и юридический элитизм, хорошо иллюстрируется на примере уголовного правоприменительного процесса, который от сбора доказательств до рассмотрения их в судебном процессе императивно регламентирован в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. К необходимым для истинного правосудия условиям относятся прежде всего соблюдение процессуальной формы фактических данных и критерии допустимости доказательств, которые должны отвечать принципу справедливости. Это требования проистекают из взаимосвязанных норм Конституции РФ (ч. 2. ст. 50) и норм УПК РФ. В частности, имеется в виду

обеспечение приоритета определенных ценностей над установлением истины по делу (приоритет конституционных прав и свобод человека и гражданина: уважительное отношение к подозреваемому или свидетелю, их человеческому достоинству и т. п.), а также надлежащий порядок проведения процессуального действия, используемого как средство получения доказательств.

Далее необходимо хорошее знание юридической техники для правильной квалификации правонарушения, заключающееся в подведении всех всесторонне исследованных фактических обстоятельств дела под соответствующую норму права. Последние даже при наличии подробной диспозиции не в силах учесть все особенности конкретного правонарушения, что предполагает подключение внутренних, нравственных убеждений сотрудников правоохранительных органов и их представлений о должном, правильном, справедливом и несправедливом, где как раз зачастую и проявляется отклонение от справедливости при соблюдении формальностей.

К итоговому правоприменительному акту наряду с другими признаками, выдвигается требование юридической справедливости – правовое оформление нравственно обоснованного решения по делу. Критерий юридической справедливости, по мнению исследователей, выражается в том, что принятое решение верно как с моральной, так и с юридической стороны [6, с. 258].

Таким образом, юридическая справедливость правоприменительного акта выражается в вынесении правильного, нравственного по существу решения и распространяется на все стадии правоприменения [5, с. 17]. По уголовным делам в порядке надзора дел в Президиуме Верховного суда Российской Федерации в 2022 г. было рассмотрено 3874 надзорных представлений

и жалоб¹, что явно свидетельствует о случаях правовой несправедливости части правоприменительных актов, возникшей в результате формализма, эгалитаризма или юридической элитарности.

Продолжая изучение правовой несправедливости, необходимо сделать оговорку о том, что случаи юридической несправедливости не следует смешивать с традиционной критикой судей, которые якобы превышают свои полномочия и юрисдикцию, интерпретируя закон таким образом, что присваивают себе законодательные функции. Экспансионизм, которому уделяется основное внимание в этом исследовании, касается смещения неформальных ассоциаций людей при столкновении с системами правил и норм, которые принудительно проводятся в жизнь каким-либо органом, обладающим властными полномочиями. Например, сегодняшнее российское правосудие при многих очевидных достоинствах имеет и ряд недостатков: большая загруженность судов, длительность и сложность судопроизводства, значительные судебные издержки, не отработан механизм достижения состязательности и равенства сторон в процессе, возможно заочное решение (без участия сторон), гласность судебного разбирательства приводит к разглашению конфиденциальной информации, критерии справедливости решения спора находятся в юридической плоскости и часто не совпадают с представлениями о справедливости людей, не имеющих юридической подготовки. Поэтому очень часто решения суда оставляют негативную реакцию у сторон, в итоге конфликт прекращается силовым решением, но не разрешается, в связи с чем акты правосудия не исполняются².

¹ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном суде Российской Федерации в 2022 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел // Официальный сайт ВС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/statistics/32115/> (дата обращения: 15.11.2023).

² Брыжинский А. А. Альтернативное разрешение правовых споров и конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2005. С. 3.

Ошибки могут возникать и на стадии принятия законов и иных нормативных актов органами законодательной власти, поскольку ее представители не менее подвержены ошибкам, чем судьи. Увеличивающееся количество законов и подзаконных актов, рост их сложности требует все больше лиц, обладающих специальными знаниями (таких как адвокаты, финансисты, другие специалисты и эксперты), чтобы интерпретировать все увеличивающееся количество правовых норм. Отношения между дискретными особенностями, включающими различные правовые нормы, становятся менее ясными.

Полномочия прокуроров и сотрудников других государственных органов увеличиваются, обеспечивая большие возможности для манипулирования неясностью, порождая в результате этого еще большую юридическую сложность. Неудивительно, что эти манипуляции направлены на некоторых неугодных лиц с целью нахождения некоего преступления, в котором они могли бы быть обвинены.

Аналогичным образом потенциал адвокатов-истцов по составлению необоснованных судебных исков на основе их расчетной стоимости как средства правового вымогательства существенно возрастает по мере увеличения количества и сложности законов. Соответственно увеличивается потенциал для умышленного или неумышленного нарушения законов.

В итоге по мере расширения диапазона «империи права» правовые нормы вытесняют телеологическую моральную основу. Даже если двусмысленности устраняются дополнительными правовыми нормами, последние создают свои собственные неясности или иным образом требуют большей зависимости от профессиональных юристов, которые, таким образом, получают власть над обычными гражданами – власть, которая может быть произвольно осуществлена пропорционально пропасти, которая су-

ществует между обычным пониманием справедливости и уточнениями закона.

Однако не стоит слишком сильно полагаться на какую-либо классификационную схему для понимания правовой несправедливости, любая классификация условна и необходима для систематизации и более четкого преподнесения материала. В действительности цель состоит в том, чтобы показать чрезмерно абстрактные попытки свести справедливость к какой-то формуле. Такие формулы либо становятся настолько абстрактными, что они практически не содержат какого-либо контента, либо просто упускают что-то из-за большого разнообразия правовой несправедливости.

Вред или польза от последствий правомерных или незаконных действий с моральной точки зрения абсолютно независимы от законности или авторитета этого действия. Критерии оценки нравственности правовой системы являются внешними, а не внутренними для этой системы, и как таковые могут быть установлены независимо от любой внутренней структуры и характеристики правовой системы.

В рамках настоящей статьи исследуем первый набор примеров юридической несправедливости, когда акцент на формализме или беспристрастности сыграл определенную роль в достижении несправедливого результата из-за моральной пустоты этих связанных, хотя и разных понятий.

Формализм в контексте работы понимается как некая совокупность предсказуемости, универсализации и последовательности в правовых правилах, принципах или подобных абстрактных понятиях, когда он несовместим с милосердием, состраданием и гибкостью, основанной на осознании того факта, что конкретные обстоятельства не соответствуют в полной мере правовому правилу. Точно так же стремление к беспристрастности может

привести к юридической несправедливости, когда беспристрастность является лишь предлогом, или когда добросовестная беспристрастность испытывает недостаток в сострадании. Практикующие юристы хорошо понимают, о чем идет речь, и им несложно привести десятки примеров таких дел в различных областях юриспруденции. Однако это выходит за рамки настоящей статьи, поскольку ее целью выступает теоретический анализ юридической несправедливости.

Формализм с его акцентом на юридическую интерпретацию и юридические опасения по поводу моральных вопросов справедливости в конечном счете искажает и путает то, что действительно находится под угрозой в моральных спорах.

Следующие два примера демонстрируют два аспекта формализма: способ, при котором исключительное рассмотрение юридических проблем сквозь призму формализма искажает моральные аспекты, и метод, которым это искажение вызывает несправедливый результат.

И в российской правовой системе, и в зарубежном правопорядке судебная практика не задается вопросами счастья ребенка или проблемами справедливости, что прямо следует из статей Семейного кодекса РФ. В подавляющем большинстве случаев восстановления по суду родительских прав биологических родителей и требования о возврате ребенка из приемной семьи суд удовлетворяет, правда с учетом мнения несовершеннолетнего. В «Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей», в частности указывалось, что при рассмотрении дел о восстановлении в родительских правах судами в ряде случаев допускались нарушения требований закона, в частности не всегда выяснялось судами мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, о возможности восстановления роди-

теля в родительских правах, хотя принятие судом решения о восстановлении в родительских правах возможно только при наличии согласия ребенка¹.

Показателен пример и из практики американских судов. Так, в Клоссене забрали двух детей от приемных родителей, с которыми они прожили большую часть своей жизни, и к кому они были эмоционально привязаны. Они были переданы их биологическим родителям, которые являлись для них виртуальными незнакомцами и первоначально отказались от них².

Вопрос о формализме, приводящем к правовой несправедливости, связан с вопросом о том, что итоговый акт, выносимый в результате судебного процесса, может определять применяемый законный минимум, но он не может считаться суммой юридической справедливости. Ценность права и законов на практике как раз должна проявляться «в справедливом характере судебного решения, в примирении конфликтующих сторон, в сдерживании алчных индивидов и групп и тем самым в обеспечении и поддержании мира, порядка, общего блага» [2, с. 88], а не в соблюдении формальной процедуры.

Апелляционные суды и в правовой системе России, как и в большинстве правовых систем, рассматривают только те решения судов низшей инстанции, где судом была допущена формальная, «юридическая ошибка». Несправедливость не будет рассмотрена апелляционным судом, если не было никакой «юридической ошибки». Верховный суд еще больше сужает случаи, подвергающиеся его обзору, основанному лишь на том, есть ли конфликт в юридических интерпретациях, используемых между различной юрисдикцией апелляционного суда. Если не будет ника-

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного суда РФ 20.07.2011) // СПС КонсультантПлюс.

² In re Claussen, 502 N.W. 2d 649 (Mich. 1993). Available at: http://courts.mi.gov/Courts/MichiganSupremeCourt/opinions_orders/case_search/pages/default.aspx (accessed 23 October 2023).

кого конфликта, то Верховный суд вряд ли будет слушать дело. Поэтому, например, Верховный суд США не соизволил рассмотреть несправедливые результаты в случае возврата детей биологическим родителям. Не имеет значения, что счастье ребенка под угрозой – такая проблема не для уровня Верховного суда.

Таким образом, концепция апелляционного обжалования, ограниченная юридической ошибкой, в конечном счете основана на предположении, что целью правовой системы стала сама правовая система (т. е., свод правил в правовой системе), а не «справедливость» или «несправедливость» применения права в конкретных обстоятельствах.

Следовательно, понятие пересмотра в порядке апелляции иллюстрирует по сути устранение телеологии из права. Это изгнание телеологии из права аналогично медицине, оценивающей себя исключительно на уровне медицинской теории, в настоящее время санкционированной медицинским учреждением, независимо от того, были ли излечены пациенты или нет.

Примеры из сферы контроля над оружием также иллюстрируют наличие правовой несправедливости. Надзор за оружием подчеркивает соблюдение процедур (регистрацию) со стороны законопослушных граждан, в отношении которых это сделать намного легче, чем в отношении преступников, игнорирующих законы об оружии. В сравнительных исследованиях разных стран приводятся доказанные факты того, что контроль над оружием не имеет причинно-следственных связей с уровнем насильственных преступлений, поскольку в деле сокращения насилия более значимыми являются другие историко-культурные факторы [1, pp. 770–771]. Один из основных недостатков в подходе контроля над оружием заключается в том, что регистрация лишь ограничивает доступ к оружию среди законопослушных слоев общества, в то время как преступники имеют

доступ к оружию незаконно, таким образом, правопорядок разоружается без разоружения преступников. И наоборот, когда граждане имеют право защищать себя оружием, есть свидетельства того, что это фактически уменьшает количество тяжких преступлений в обществе и более эффективно удерживает преступников [1, pp. 790, 792–793].

Именно с учетом этих мыслей посмотрим на конкретный пример юридической несправедливости. В Нью-Йорке полиция конфисковала пистолет у некоей миссис, когда они прибыли на ее вызов о помощи против действий ее бывшего мужа по факту незаконных попыток с его стороны проникнуть в дом. В следующий раз, когда бывший муж возвратился с ружьем, он убил ее. Владение пистолетом регулировалось местными постановлениями контроля над оружием, а владение ружьем не регулировалось [10].

Этот пример иллюстрирует то, как беспокойство о букве закона ниспровергло естественное право. Даже большинство скупых понятий естественного права, таких как понятия Т. Гоббса, все же признает естественное право на защиту жизни. Факт, что незаконное владение оружием предотвращает насильственную смерть человека, игнорируется. Подобные примеры контроля над оружием воплощают использование закона для причинения несправедливости. Именно в таких областях, как эта, включая судебное преследование людей, защищающих себя от нападения с незаконным оружием, суд присяжных часто становится последней защитой против тирании позитивного права.

Учитывая проблему преступного насилия со стороны отдельных лиц, сторонники контроля над оружием настаивают на неукоснительном следовании общему правилу, не признавая несоответствия этого правила предотвращению или наказанию насилия конкретных преступников: универсальное правило (контроль над оружием) применяется неукоснительно лишь к законопо-

слушным гражданам, не имеющим прямого отношения к конкретным актам насилия со стороны преступников. Этот момент является довольно абстрактным и лучше всего иллюстрируется аналогией: пропаганда контроля над оружием примерно так же глупа, как и пропаганда запрета езды на автомобилях из-за нескольких пьяных водителей (общее правило, которое легко применять против трезвого) вместо того, чтобы арестовывать пьяных водителей (конкретная проблема).

Иными словами, конкретные проблемы с частными обстоятельствами пытаются решить общими абстрактными правилами, приводящими к несправедливости.

Таким образом в отношении формализма, порождающего несправедливость в сфере права, следует отметить следующее.

«Справедливость» – более широкое по объему понятие, чем формальный, должный процесс и равенство, потому что справедливость достигает смысла в сфере человеческой деятельности и не может быть адекватно понята на уровне простой юридической интерпретации: моральная человеческая деятельность включает в себя больше, чем тексты (или правовые нормы) и их интерпретация, не зависит от какого-либо представления о пользе для человека. Моральные действия предусматривают рассмотрение человеческих целей, которые зачастую явно исключаются из решений суда, жертвуя живыми людьми, следуя абстрактной правовой норме, которая никогда не предназначалась, для рассмотрения их конкретных обстоятельств. Букве закона придается больший онтологический вес и моральный авторитет, чем живым людям, даже тогда, когда это бросает вызов здравому смыслу.

Вера в то, что искусственные правовые нормы могут заменить отсутствие достоинства и чувства справедливости со стороны судей, присяжных, прокуроров и адвокатов

защиты, является одним из центральных мифов нашей правовой системы. Где адвокаты и присяжные заседатели добродетельны, существующая система будет работать. Там, где этого нет, мы обманываем себя, притворяясь, что сложные правила заполняют этот пробел. Правила сами по себе неполноценны по той простой причине, что любые правила поддаются манипуляции.

Суть этих примеров в том, что беспристрастность – миф, и что отговорка такой беспристрастности – основной источник беспорядков, которые могут создать и оправдать юридическую несправедливость. Кроме того, существующая беспристрастность также может быть основным источником юридической несправедливости. Для предотвращения последней правоприменители не должны ограничиваться механическим приложением норм права к конкретным случаям, а должны помогать законодателю в решении лежащей на нем задачи проведения в право требований справедливости. Вследствие этого на них лежит обязанность выяснить цель каждой применяемой нормы и идею, положенную в ее основу, и в своей деятельности руководствоваться результатами такого анализа. Понимание этого позволит определить необходимые средства для устранения несправедливости и определить, каково значение естественного права на этом пути совершенствования юриспруденции.

Заключение

В наши дни дискуссии между формализмом и беспристрастностью закона и правовой справедливостью/несправедливостью становятся более насущными, потому что на карту поставлено качество и смысл сосуществования социальных институтов и жизни граждан. Формальная и беспристрастная законность не должна становиться паспортом для правовой несправедливости.

Представляется, что в современных правовых системах не должна наличествовать парадигма нарушения юридической справедливости в угоду упорядоченного и согласованного набора норм, заслоняющих мудрость и назначение права быть наукой о добром и справедливом.

Список литературы

1. Берман Дж. Г. Вера и закон: примирение права и религии. – М.: Московская шк. политических исслед., 2008. – 463 с.
2. Графский В. Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1. – С. 86–90.
3. Изборник 1076 г. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. I / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова; отв. Ред А. М. Молдован. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 744 с.
4. ...и суда нет. Диагноз доктора Морщаковой // Новая газета. – 2004. – № 51.
5. Копытов Ю. Г. Принцип юридической справедливости // Право и практика. – 2011. – № 2. – С. 11–19.
6. Красников И. В. Критерии эффективности правоприменительных актов // Образование и право. – 2023. – № 1. – С. 256–260. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-256-260.
7. Михайлов А. М. Идея естественного права: история и теория: монография. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 464 с.
8. Сорокин В. В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография. – М.: Проспект, 2007. – 479 с.
9. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 120 с.
10. Francis S. The news you won't be hearing from the anti-gun lobby // The Washington Times. – 1 November 1994. – A 19.
11. Funk M. Gun Control and Economic Discrimination: The Melting-Point Case-In-Point // The Journal of Criminal Law & Criminology. 1995. – № 85. – Pp. 770–771.
12. Herdegen M. J. Unjust Laws, Human Rights, and German Constitution: Germany's Recent Confrontation with the Past // Columbia journal of transnational law. – 1990. – № 3 (32). – Pp. 592–599.

References

1. Berman, Dzh. G. (2008) *Vera i zakon: primirenje prava i religii* [Faith and Law: Reconciliation of law and religion]. Moscow: Moskovskaya shk. politicheskikh issledovaniy. (In Russian).
2. Grafskij, V. G. (1997) *Pravo i social'nye cennosti v istoricheskoj retrospektive* [Law and social values in historical retrospect]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda – Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*. No. 1. Pp. 86–90. (In Russian).
3. Moldovan, A. M. (2016) (ed.) *Izbornik 1076 g.* [Izbornik]. 2nd ed. Vol. I Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi. (In Russian).

4. ...i suda net. Diagnoz doktora Morshchakovoj (2004) [and there is no trial. The diagnosis of Dr. Morshakova]. *Novaya gazeta*. No. 51. (In Russian).
5. Kopytov, YU. G. (2011) Princip yuridicheskoy spravedlivosti [The principle of legal justice]. *Pravo i praktika – Law and practice*. No. 2. Pp. 11–19. (In Russian).
6. Krasnikov, I. V. (2023) Kriterii effektivnosti pravoprimeritel'nyh aktov [Criteria for the effectiveness of law enforcement acts]. *Obrazovanie i pravo – Education and law*. No. 1. Pp. 256–260. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-1-256-260. (In Russian).
7. Mihajlov, A. M. (2010) *Ideya estestvennogo prava: istoriya i teoriya: monografiya* [The idea of natural law: history and theory: monograph]. Moscow: YUrlitinform. (In Russian).
8. Sorokin, V. V. (2007) *Ponyatie i sushchnost' prava v duhovnoj kulture Rossii: monografiya* [The concept and essence of law in the spiritual culture of Russia: monograph]. Moscow: Prospekt. (In Russian).
9. Ekimov, A. I. (1980) *Spravedlivost' i socialisticheskoe pravo* [Justice and socialist law]. Leningraf: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russian).
10. Francis, S. (1994) The news you won't be hearing from the anti-gun lobby. *The Washington Times*. 1 November. A 19.
11. Funk, M. (1995) Gun Control and Economic Discrimination: The Melting-Point Case-In-Point. *The Journal of Criminal Law & Criminology*. No. 85. Pp. 770–771.
12. Herdegen, M. J. (1990) Unjust Laws, Human Rights, and German Constitution: Germany's Recent Confrontation with the Past. *Columbia journal of transnational law*. No. 3 (32). Pp. 592–599.

Об авторе

Маркова-Мурашова Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, Адвокатская палата Краснодарская края, г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-3243-8041, e-mail: 4185799@gmail.com

About the author

Svetlana A. Markova-Murashova, Dr. Sci. (Law), Professor, Bar Association of Краснодар Region, Краснодар, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-3243-8041, e-mail: 4185799@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.11.2023
Принята к публикации: 01.12.2023
Опубликована: 30.12.2023

Received: 20 November 2023
Accepted: 01 December 2023
Published: 30 December 2023